

УДК 343

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
КАК ПРЕДМЕТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА**

© 2016 г.

А.В. Агутин, Д.А. Батраков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

agutin.av@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.04.2016

Рассматриваются национальные интересы Российской государства в качестве предмета воздействия политического экстремизма. Акцентируется внимание на том, что подрыв национального интереса не является основным предметом политического экстремизма. Обращено внимание на концепцию обеспечения национальных интересов сквозь призму ментальности российского народа. Продемонстрированы последствия экстремистского воздействия на российскую общность на примере мецанского мировоззрения.

Ключевые слова: национальные интересы, экстремизм, противодействие, российский народ, обязанности, блеф, мировоззрение, цинизм и эгоизм.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена Указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537) говорится о том, что национальные интересы России представляют собой совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства. В целом, разделяя данный подход, со своей стороны хотели бы сказать о том, что рассматриваемая проблема не должна включать в качестве системообразующего основания положения, которые не являются фундаментальными для российской общности. В данном случае речь мы ведем о том, что ныне усматривается некоторое злоупотребление в понимании фундаментальных аспектов нашего мировосприятия, миропонимания и миропредставления. Основная угроза экстремизма, включая и политическую его составляющую, видится не в угрозе духовности российского народа, а в подрыве национального интереса.

То явление, которое обозначается словом «интерес», было введено в качестве средства, обеспечивающего, с позиции западноевропейского мышления, интеграцию субъективного и объективного права. В политико-правовом аспекте интерес был представлен во второй половине девятнадцатого века немецким теоретиком права Йерингом. Он сформулировал и обосновал правовую теорию, которую назвал «теорией интереса». В то время она была ответом на запросы западноевропейской парадигмы мышления. В этом смысле она является обратной стороной гегелевского учения о праве, где в качестве системообразующего компонента исполь-

зуется продукт психологии (воля). В этом смысле, согласно постулатам теории Йеринга, право представляет собой юридически защищенный интерес. Причем конечной целью права Йеринг считал установление и гарантирование жизненных условий общества, поскольку «право существует для общества, а не общество для права» [1].

Несколько позже система взаимосвязанных суждений Йеринга о целенаправленности права была воспринята и отечественной юридической мыслью. В той или иной мере некоторые постулаты «теории интереса» мы наблюдаем в работах дореволюционных авторов. Например, сквозь призму «теории интересов» рассматривал процессуальный статус потерпевшего от преступления такой маститый процессуалист, как И.Я. Фойницкий [2].

Советской правовой науке также не были чужды постулаты «теории интересов». Особая активность советской науки к теории Йеринга наблюдается с середины двадцатого века. В это время появляется ряд исследований [3–5], целью которых являлось определение и обоснование роли и места субъективного права в защите законного интереса. При этом само его понимание обуславливается задачами развития общества и правосудия [6, с. 9]. Например, Э.Ф. Куцова разъясняет сущность законных интересов на примере законных интересов обвиняемого следующим образом: «Законными интересами обвиняемого являются только те его существенные интересы, которые выражены в нормах права; признаны ими» [6, с. 56].

Здесь же обратим внимание на то, что термин «законный интерес» прочно устоялся в со-

временной юридической литературе. В общей теории права законный интерес понимается сквозь призму субъективного права и, по существу, означает гарантированную государством юридическую дозволенность пользоваться определенным социальным благом. «Законный интерес, – отмечают А.В. Малько и В.В. Субочев, – это отраженная в объективном праве либо вытекающая из его общего смысла и в определенной степени гарантированная государством юридическая дозволенность, выражающаяся в стремлениях субъекта пользоваться определенным социальным благом, а также в необходимых случаях обращаться за защитой к компетентным структурам – в целях удовлетворения своих интересов, не противоречащих общегосударственным» [7].

Законный интерес в западноевропейской его интерпретации является атрибутом либеральной теории. Она была разработана западными мыслителями на основе западноевропейского менталитета, в условиях западной культуры, пригодных для западных обществ и государств и опробованных в них. Некритическое ее восприятие, в условия российского менталитета, способно породить множество негативных последствий. Со своей стороны, мы выступаем против такого восприятия и предлагаем в качестве альтернативы концепцию «обязанностей». Она учитывает истоки и особенности культуры и менталитета российского общества («государства правды») (И.С. Пересветов), основанного на евангельских заповедях, которые по своей форме представляют запреты и обязанности; «тяглогового государства» – государства обязанностей (Н.Н. Алексеев) [8].

Мы будем остерегаться употреблять в статье, пожалуй, даже более распространенные в современной отечественной специальной литературе, чем «законные интересы», термины «права» и «свободы». Тот и другой из названных терминов-инструментов обозначает понятия, представляющие собой в случае их реальности и возможности претворения в жизнь, **средства** защиты законных интересов живых людей. Например, понятие «свобода» является не правовым, а философско-психологическим понятием. «Свобода, – пишет Э.А. Араб-Оглы, – способность человека к активной деятельности в соответствии со своими намерениями, желаниями и интересами, в ходе которой он добивается поставленных перед собой целей» [9, с. 502]. В свою очередь способность понимается как «комплекс психических свойств человека, делающего его пригодным к определенному исторически сложившемуся виду профессиональной деятельности» [9, с. 536]. Таким образом,

свободу можно понимать как комплекс психических свойств человека, делающего его пригодным к активному, исторически сложившемуся виду профессиональной деятельности, в соответствии со своими намерениями, желаниями и интересами, в процессе достижения поставленных перед собой целей. В свете сказанного представляется нецелесообразным, например, перед прокурором ставить не присущие для его деятельности цели, а именно защищать комплекс психических свойств человека, поскольку к деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве они имеют самое опосредованное отношение. Если же «права и свободы», в каком бы документе они ни были записаны, представляют собой разукрашенную декларацию (декорацию), не обеспеченную проведением в жизнь в реальном уголовном судопроизводстве, то придется, видимо, обращаться к публикациям, озаглавленным так: «Права и свободы граждан – большой блеф XX века» [10].

Следование концепции «обязанностей» на ментальном уровне российской общности позволило отечественной юридической науке дать свой ответ в понимании национального интереса. Национальные интересы Российского государства она рассматривает не в качестве психического явления, а в роли духовно-нравственных оснований нашей общности. Под национальными интересами России в контексте наших размышлений понимается иерархически упорядоченная, взаимосвязанная и взаимообусловленная система факторов, обеспечивающая духовность нашего народа. Несмотря на словесные расхождения, в этом же смысле понимаются национальные интересы и в стратегии национальной безопасности. Как следует из осмысления Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, одной из угроз её национальным интересам является индивидуализм, порождающий эгоизм. Индивидуализм и эгоизм как раз и являются одними из проявлений духовной болезни российской общности. В этом контексте алгоритмы экстремистского воздействия на российскую общность сродни манипулированию, а само такое воздействие фактически тождественно формированию манипулятивной среды. В этой среде человек находится в духовном одиночестве. Он теряет ориентацию, мотивы и духовные ценности, что приводит к продуцированию мещанского мировоззрения, проявляемого в цинизме и эгоизме.

Мещанское мировоззрение является болезнью российской общности и её духовности. Оно является критерием, на основе которого возможно поставить диагноз культурной системе российского народа. Она больна и не способна

оказывать должного сопротивления ухищренным способам экстремистского воздействия. В этом случае политическая деятельность в деле борьбы с экстремизмом будет подвержена сиюминутному влиянию.

На уровне целого наше поведение будет обуславливаться не традициями и обычаями, а различного рода проявлениями духа времени, например модой борьбы с экстремизмом. «Они обезличены, – отмечают М.Г. Аверкин и Н.Л. Кульпина, – стандартизированы, чувствуют себя дезориентированными, опустошенными, часто бывают апатичными или циничными. Им свойственны: некритическое отношение к существующей действительности, к пропагандистским и поведенческим стереотипам, отсутствие индивидуальности, манипулируемость, конформизм. Потребительская ориентация, гонка за материальными благами лишают их критического восприятия. Им присуще искаженное видение мира: отвечающие интересам правящих кругов принципы и нормы кажутся им выражением свободы и социальной справедливости. Такие люди фактически лишены способности к радикальной оппозиции и полностью интегрированы в манипулятивную систему» [11], создающую манипулятивную среду функционирования.

Манипулятивная среда функционирования является одним из важнейших условий для политического манипулирования. «В политическом манипулировании, – отмечают А.А. Агеев, О.С. Анисимов, В.В. Летуновский, – использование оппозицией «демократического» протеста сравнительно легко признается основной частью населения «законным» и связывается с неотъемлемыми правами граждан. «Террористические», крайние формы политического экстремизма предназначены для вывода из строя систем управления страной через запугивание основной массы населения. В отличие от организованных и предсказуемых действий армии, пользующейся поддержкой и любовью населения, террористы становятся локализованным и направленным оружием реализации политических планов тщательно скрываемых глобальных игроков. Если под определенный политический замысел применить регулируемый «демократический экстремизм» и шокирующие население стратегии терроризма, то в руках опытного манипулятора появляется технология нового типа. Технология, поглощающая собственно военные элементы и

специальные элементы и позволяющая управлять напряженностью, конфликтом, войной (необходимого масштаба)» [12].

В манипулятивной среде функционирования эгоизм усиливает проявления национального, политического и религиозного экстремизма, влекущие культурно-религиозную экспансию [13] нашей страны финансово-олигархическими структурами, а также государствами, занимающими сегодня доминирующее положение на авансцене мировой политики. В этом контексте вполне правомерно вести речь о том, что целостным компонентом противодействия экстремизму является обеспечение духовной безопасности российского народа.

Список литературы

1. Йеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. С. 309.
2. Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие. М., 1999. С. 158–159.
3. Матузов Н.И. Субъективные права граждан в СССР. Саратов, 1966.
4. Патюлин В.А. Субъективные права граждан, основные черты, стадии, гарантии реализации // Советское государство и право. 1971. № 6. С. 25.
5. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 168.
6. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). М., 1973. С. 9, 56.
7. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004. С. 73.
8. Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 14–15.
9. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 502, 536.
10. Томин В.Т. «Права и свободы человека» – большой блеф XX века (Уголовный процесс России: аспекты взаимодействия с международным правом) // Проблемы теории и истории российского государства и права. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1996. С. 54–60.
11. Аверкин М.Г., Кульпина Н.Л. Влияние коммуникаций в управлении человеческими ресурсами // Управление человеческими ресурсами в посткризисный период: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2011. С. 89.
12. Агеев А.А., Анисимов О.С., Летуновский В.В. О современной сущности войны // Военно-юридический журнал. 2008. № 2. С. 34.
13. Указ Президента от 17.12.1997 года № 1300 (ред. от 10.01.2000) «Об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета от 26.12.1997. № 247.

NATIONAL INTERESTS OF THE RUSSIAN STATE AS A SUBJECT
OF EXPOSURE TO POLITICAL EXTREMISM*A.V. Agutin, D.A. Batrakov*

In this article, we make an attempt to understand the national interests of the Russian state as a subject of the impact of political extremism. It is noted that undermining the national interest is not the main objective of political extremism. We discuss the concept of national interests through the prism of the Russian people's mentality. Petty-bourgeois ideology is shown to be an example of Russian community's exposure to the effects of extremism.

Keywords: national interests, extremism, counteraction, Russian people, duties, bluff, outlook, cynicism and selfishness.

References

1. Jering R. *Cel' v prave*. SPb., 1881. S. 309.
2. *Hrestomatiya po ugovnomu processu Rossii: Uchebnoe posobie*. M., 1999. S. 158–159.
3. Matuzov N.I. *Sub"ektivnye prava grazhdan v SSSR*. Saratov, 1966.
4. Patyulin V.A. *Sub"ektivnye prava grazhdan, osnovnye cherty, stadii, garantii realizacii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1971. № 6. S. 25.
5. Strogovich M.S. *Osnovnye voprosy sovetskoj socialisticheskoj zakonnosti*. M., 1966. S. 168.
6. Kucova Eh.F. *Garantii prav lichnosti v sovetskom ugovnom processe (predmet, cel', sodержanie)*. M., 1973. S. 9, 56.
7. Mal'ko A.V., Subochev V.V. *Zakonnye interesy kak pravovaya kategoriya*. SPb., 2004. S. 73.
8. Agutin A.V. *Mirovozzrencheskie idei v ugovno-processual'nom dokazyvanii: Avtoref. dis... d-ra yurid. nauk*. N. Novgorod, 2005. S. 14–15.
9. *Filosofskij slovar'* / Pod red. I.T. Frolova. 7-e izd., pererab. i dop. M., 2001. S. 502, 536.
10. Tomin V.T. «Prava i svobody cheloveka» – bol'shoj blef XX veka (Ugovnyj process Rossii: aspekty vzaimodejstviya s mezhdunarodnym pravom) // *Problemy teorii i istorii rossijskogo gosudarstva i prava*. N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 1996. S. 54–60.
11. Averkin M.G., Kul'pina N.L. *Vliyanie kommunikacij v upravlenii chelovecheskimi resursami // Upravlenie chelovecheskimi resursami v postkrisisnyj period: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Nizhnij Novgorod, 2011. S. 89.
12. Ageev A.A., Anisimov O.S., Letunovskij V.V. *O sovremennoj sushchnosti vojny // Voенно-yuridicheskij zhurnal*. 2008. № 2. S. 34.
13. Ukaz Prezidenta ot 17.12.1997 goda № 1300 (red. ot 10.01.2000) «Ob utverzhdenii koncepcii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // *Rossijskaya gazeta* ot 26.12.1997. № 247.